

УДК 82

А.Н. Семенов

Средства массовой информации как концепт в лирике Саши Черного

Аннотация. Статья обращена к творчеству одного из поэтов серебряного века. В статье рассмотрены особенности концептуального видения средств массовой информации в поэзии Саши Черного.

Ключевые слова: концепт, средства массовой информации, газета, журнал, лирический герой, деталь, средство характеристики персонажа, оппозиция.

A.N. Semenov

Mass media as a concept in Sasha Cherny's lyric poetry

Summary. The article covers the creative work of one of the Silver Age's poets. The article deals with the peculiarities of mass media conceptual view in Sasha Chorniy's poetry.

Keywords: concept, mass media, newspaper, magazine, lyrical character, detail, personage description means, opposition.

Творчество Саши Черного невозможно представить без концептуального видения средств массовой информации и тех, кто в них работает.

Будучи хорошо осведомленным о характере и мотивах поведения своих соотечественников и особенно столичных горожан, Саша Черный знал, что значительной частью, к примеру, рядовых петербуржцев газеты понимались как источник культуры. Его герой из стихотворения «Отъезд петербуржца» (1909), собирающийся «на лето удирать на юг», должен перед отъездом сделать многое, в том числе:

Надо подписаться завтра *на газеты*,

Чтобы от культуры нашей не отстать...
[1, I: 48]

Хотя лирический герой Саши Черного, если судить по стихотворению «Все в штанах скроенных одинаково...» 1908 года, считает по-другому. Одной из побудительных причин его желания уйти «в лес», «к озерам и девственным елям», является то, что «там не будет *газетных статей и отчетов*» [I, 50]. Развивает тему «Послание первое» (сборник «Сатиры», 1910), в котором лирический герой признается:

Семь дней валяюсь на траве

Средь бледных незабудок,

Уснули мысли в голове

И чуть ворчит желудок. [1, I: 132]

Уснувшие в голове мысли – это следствие того, что лирический герой остался без петербургских новостей, которые приходят с газетами. Однако привычка столичного жителя быть в курсе газетных новостей не дает ему покоя и там, где от них можно отдохнуть:

Лежу, как лошадь на траве, –

Забыл о мире брэнном,

Но кто-то ноет в голове:

Будь злым и современным... <...> [1, I: 132]

Быть «злым и современным» – это значит быть в курсе новостей, которые приносят газеты. Такое стремление, следствием которого стала привычка регулярно читать газеты, дает возможность поэту рассказать о том, что в первую очередь в описываемую эпоху становилось содержанием газетных публикаций:

Семь дней *газет я не читал...*

Скажите, дорогие,

Кто в Думе выкинул скандал,

Спасая честь России?

Народу школа не дана ль

За этот срок недельный?

Не получил ли пост Лидваль,

И как вопрос земельный?

Ах да – не вышли ль, наконец,

Все левые из Думы?

Не утомился ль Шварц-делец?

А турки?.. Не в Батуме? [1, I: 132]

На первом месте оказываются *скандалы в Думе*, которые устраивали в первую очередь те, кто спасал «честь России». В 1908 году российская интеллигенция активно обсуждала закон о всеобщем начальном образовании. Среди возможных героев новостей упоминается Э.-Л. Лидваль, подданный Швеции, коммерсант, прославившийся махинациями с поставкой зерна в голодающие губернии в 1906 году, что вызвало судебные разбирательства. А «вопрос земельный» – это, можно сказать, вечный вопрос российской истории. Привыкший к газетным новостям, лирический герой ждет сообщений о положении левых в Думе и о поведении Шварца-дельца (такое прозвище имел нередко прибегавший к непарламентским выражениям и оскорблениям депутат Н.Е. Марков). Лирического героя волнует вопрос о турках в Батуми. Это связано с тем, что в 1907-1908 годах в прессу неоднократно проникали слухи о захвате турками города Батуми, который был присоединен к России только в 1787 году.

Главное заключается в том, что в оппозиции газеты – природа. Последняя проигрывает: лирический герой не смог за недельный срок отвыкнуть от того, чтобы быть в курсе событий, о которых сообщают газеты. Если нет возможности самому читать газеты, то друзья просто обязаны заменить этот источник информации своими письмами. Однако примечательно и другое: «вставать с травы» и возвращаться в мир сегодняшних новостей лирическому герою Саше Черного «горько». Более того, такую вроде бы желанную для него злобу дня он все равно называет «презренной»:

Пишите ж, милые, скорей!

Условия суровы:

Ведь правый думский брадобрей

Скандал устроит новый.

Тогда, увы, и я, и вы

Не будем современны.

Ах, горько мне вставать с травы

Для злобы дня презренной! [1, I: 132]

Концепт газета, таким образом, наполняется содержанием *презренная злоба дня*.

Оппозицией газете выступает природа и в стихотворении «Почти перед домом...» (1909), в котором лирический герой уходит «к покатою и тихой вершине»:

<...> Добрался с одышкой,

Уселся на высшую точку,

Газета под мышкой –

Не знаю, – прочту ли хоть строчку. [1, I: 282]

Сомнения лирического героя вызваны тем, что вокруг – «крапива, фиалки и белые кашки», а в небе плывут облака – «золотые барашки», и «румяное солнце играет».

В стихотворении «Степное башкирское солнце...» (1909) из цикла «Кумысные вирши» снова возникает противопоставление природы и газеты. Оказавшись в раздолье башкирской степи, лирический герой ощутил, что зависит «душою и телом» от простых впечатлений окружающей жизни, от ее простой, но выразительной красоты:

<...> От сих впечатлений завишу.

Завишу душою и телом –

Ни книг, ни газет, ни людей!

Одним лишь терпеньем и делом

Спасаясь от мрачных идей... [1, I: 289]

Источником или причиной «мрачных идей», наряду с книгами и людьми, являются газеты, отсутствие которых спасает от них. Природа выступает в качестве средства спасения от «мрачных идей», а концепт газета, наоборот, наполняется содержанием *причина и источник мрачных идей*.

Зато лирический герой стихотворения «Диета» (1910), как и «отъезжающий петербуржец», тоже считает, что

Каждый месяц к сроку надо

Подписаться на газеты. [1, I: 56-57]

И у него есть свое объяснение такой необходимости:

В них подробные ответы

На любую немощ стада.

Боговздорец иль политик,

Радикал иль черный рак,

Гениальный иль дурак,

Оптимист иль кислый нытик –

На газетной простыне

Все найдут свое вполне. [1, I: 56-57]

Концепт газета предстает в стихотворении как пространство (белая простыня), *открытое абсолютно для всех*: боговздоцев, политиков, радикалов и даже крайних из них (*черный рак* – прозвище крайне правых, черносотенцев); людей самых разных умственных и интеллектуальных способностей («гениальный иль ду-

рак»), разного мировосприятия («оптимист или кислый нытик»). Однако дальнейшее поведение лирического героя, который считает, что необходимо ежемесячно подписываться на газеты, лишено логики, потому что он признается:

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Я с улыбкой благодатной,
Бандероли не вскрывая,
Аккуратно, не читая,
Их бросаю за буфет. [1, I: 56-57]

Проделав «эту пробу» целый месяц, лирический герой увидел принципиально важные изменения в своем поведении:

... Оживаю!
Потерял слепую злобу,
Сам себя не истязую;
Появился аппетит,
Даже мысли появились...
Снова щеки округлились...
И печенка не болит. [1, I: 56-57]

В видении лирического героя Саши Черного, газеты выступают в качестве источника злобы, самоистязания и потери аппетита для тех, кто их читает. Такое чтение мешает появлению собственных мыслей и, словно алкоголь, ведет к болезни печени. Проделав такой опыт с собой, лирический герой стихотворения «Диета» отдает его в качестве средства всем «в безвозмездное владенье»:

... Всем, кто чахнет без просвета
Над унылым отраженьем
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой... [1, I: 56-57]

Мы назвали поведение лирического героя этого стихотворения лишенным логики, потому что, если в невскрытой бандероли «листы газет» каждый день оказываются за буфетом, то зачем каждый месяц на них надо подписываться.

Еще один принципиально важный аспект видения концепта газета, который демонстрирует данное стихотворение, заключается в том, что газеты, получается, не сами виноваты в том, что у кого-то вызывают злобу и самоистязания, у кого-то из-за них пропадает аппетит и даже болит печенка. Газеты выступают только «унылым отраженьем» мерзкой, гнилой, дикой, глупой, скучной и злой жизни, то есть в качестве одного из главных составляющих содержание концепта газета.

Такое наполнение концепта газета встречается в поэзии Саши Черного неоднократно.

Стихотворение «Зеркало» (1908), посвященное читателям газет, уже своим названием создает конфликтное ожидание, по которому читающий газеты подобен тому, кто смотрит на себя в зеркало. И газета, и ее читатель с первых строк не вызывают симпатий, потому что «друг-читатель», «как акула, отвратительно зевает... над скучнейшею газетой». Скука, которую вызывает газета у современного читателя, не мешает тому, что она стала его постоянным спутником, неизменным атрибутом жизни:

... Он жует ее в трамвае,
Дома, в бане и на службе,
В ресторанах и в экспрессе,
И в отдельном кабинете. [1, I: 54-55]

Всего лишь один глагол «жует» в сочетании с перечислением пространственных единиц, в которых читатель этим занимается (трамвай, дом, баня, служба, ресторан, экспресс), представляет чтение газеты как процесс длительный, похожий на пережевывание чего-то, что трудно пережевывается. Есть в стихотворении Саши Черного и упоминание о том, чему чаще всего посвящены газетные полосы: российский читатель каждый день с утра знает о том, «С кем обедал Франц-Иосиф / И какую глупость в Думе / Толстый Бобринский сморозил...» Однако, в представлении лирического героя этого стихотворения, газеты и их авторы различаются в своем воздействии на читателя, поэтому «он глупеет и умнеет»:

Если автор глуп – глупеет,
Если умница – умнеет. [1, I: 54-55]

В привычку читателя вошло ругать «современные газеты», противопоставляя при этом российские тем, которые издаются на Западе, к примеру, в Испании, хотя сам он «силен в испанском, / Как испанская корова». И на это у лирического героя Саши Черного есть свой совет:

Друг-читатель! Не ругайся,
Вьнь-ка зеркальце складное.
Видишь – в нем зловеще меркнет
Кто-то хмурый и безликий?
Кто-то хмурый и безликий,
Не испанец, о, нисколько,
Но скорее бык испанский,
Обреченный на закланье.
Прочитай: в глазах-глядялках
Много ль мыслей, смеха, сердца?
Не брани же, друг-читатель,
Современные газеты... [1, I: 54-55]
Хмурое и безликое, в котором мало мыс-

ли, смеха и сердца – это и есть сам читатель, напрасно ругающий современные газеты, которые являются лишь отражением его самого. Однако постоянное общение только с этим «отражением» опасно далеко идущими последствиями, при всем том, что это «отражение» знакомит читателя с очень многим:

Я знаком по последней версии
С настроением Англии в Персии
И не менее точно знаком
С настроением поэта Кубышкина,
С каждой новой статьей Кочерыжкина
И с газетно-журнальным песком <...> [1, I: 188]

Предлагаемое современному читателю средствами массовой информации здесь названо «газетно-журнальным песком», которого стало так много, что на другое чтение времени просто не остается:

Словом, чтение всегда в избытке –
Недосуг прочитать лишь Вергилия,
А поэт, говорят, золотой.
Да еще не мешало б Горация –
Тоже был, говорят, не без грации...
А Платон, а Вольтер... а Толстой? [1, I: 188]

Утешение читатель Саши Черного находит лишь в одном: когда он в клубе пристал к своим приятелям, таким же, как и он, «чрезвычайно усердным читателям», с вопросом о том, кто из них читал «Ювенала, Вергилия», то оказалось – «никто не читал». Читатель, от имени которого написано стихотворение, признается:

<...> Утешенье, конечно, большущее...
Но в душе есть сознание сосущее,
Что я сам до кончины моей,
Объедаясь трухой в избытке,
Ни строки не прочту из Вергилия
В суете моих пестреньких дней! [1, I: 188]

Периодическая печать в данном случае выступает в качестве оппозиции классической литературе. Предлагаемое этой печатью для чтения названо «трухой», что наполняет концепт средства массовой информации значением *ветхости, рыхлости и недолговечности*. Кроме того, «газетно-журнальный песок» выступает в качестве одной из принципиально важных составляющих суеты «пестреньких дней».

При этом опыт общения Саши Черного с редакторами и издателями газет и журналов свидетельствовал о том, что последние подходят к предлагаемому для публикации материалу избирательно. В окружающей действитель-

ности есть то, что, по их мнению, достойно попасть на газетные полосы, и то, чего на них не должно быть. К примеру, стихотворение «Традиции» (1909), написанное в виде советов желающим быть опубликованными в газете или журнале, так представляет эту «избирательность»:

Не носи сатир в газеты,
Как товар разносит фактор.
Выйдет толстенький редактор,
Сногшибательно одетый,
Скажет: «Нам нужны куплеты
В виде хроники с гарниром.
Марков выругал Гучкова,
А у вас о сем ни слова?!
Где ж сатира? В чем сатира?
Извините... Нет, не надо».
Взглянет с важностью банкира
И махнет рукой с досадой <...> [1, I: 100]

Газеты предпочитают публиковать хронику происходящих событий «с гарниром». «Хроника с гарниром» – это перебранка между депутатами Думы Н.Е. Марковым, лидером крайне правых, одним из руководителей «Союза русского народа», и А.И. Гучковым, лидером партии октябристов, председателем 3-й Думы. Поэт не советует носить сатиры и в журналы, где, наоборот, требуются «строчки с благородным содержанием».

Положение самих издателей, от которых зависит то, что будет опубликовано на газетно-журнальных полосах, тем не менее, в представлении лирического героя Саши Черного, лишено гармонии. Об этом, к примеру, свидетельствуют строки из программного для поэта стихотворения «Молитва» (1908):

Благодарю Тебя, Создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель
И не сижу еще в тюрьме <...> [1, I: 124]

Положение современного издателя, с одной стороны, приравнено к положению депутата, и это еще куда ни шло, хотя никакой симпатии звание «депутат» у Саши Черного никогда не вызывало. Но с другой, к положению человека, сидящего в тюрьме, то есть несвободного, ограниченного в своих действиях.

В стихах Саши Черного издатель может присутствовать не только как конкретное лицо, но и в качестве некоего коллектива единомышленников, который представляет лицо газеты, вырабатывает ее направление и идеологию. В стихотворении «Во имя чего?» (1911), на-

писанном в виде ряда вопросов, которые, по большей части, выглядят как риторические, лирический герой пытается выяснить для себя, почему обязательно надо кричать «рад стараться»? И «во имя чего заливают помоями правду и свет?». Но главное заключается в том, что лирическому герою, живущему в условиях современной России, захотелось «проверить», считать ему себя холопом, «иль сыном великой страны».

*Чины из газеты «Россия»,
Прошу вас, молю вас – скажите
(Надеюсь, что вы не глухие),
Во имя, во имя чего?! [1, I: 193]*

«Россия» – официозная газета, которая была учреждена по негласному распоряжению председателя Совета Министров П.А. Столыпина (1862-1911) под видом «частного» правительственного издания. Ради завоевания доверия читательской аудитории истинное лицо газеты скрывалось, хотя все грамотные люди знали, что газета «Россия» – это правительственный орган, который содержится за счет правительства и секретных фондов. Последнее давало возможность распространять газету по минимальной подписной цене и даже с даровой (бесплатной) рассылкой с целью внедрения в массы намерений правительства по вопросам текущей государственной жизни страны. Именно поэтому вопросы о том, что и во имя чего утверждается в его стране, лирический герой обращает к чинам из газеты «Россия».

Саша Черный умеет создавать буквально несколькими штрихами запоминающиеся образы тех, кто по роду своей деятельности напрямую связан с периодической печатью. В стихотворении «На славном мосту» (1908) – это образ фельетониста провинциальной газеты:

*Фельетонист взъерошенный
Засунул в рот перо.
На нем халат изношенный
И шляпа болеро...*

*Чем в следующем номере
Заполнить сотню строк?
Зимою жизнь в Житомире
Сонлива, как сурок. [1, I: 198]*

Жизнь провинциального фельетониста напрямую зависит от жизни, которая «сонлива, как сурок». Отсюда – и взъерошенный вид, и

«халат изношенный», и зимою – «шляпа болеро». Еще более неприглядной предстает жизнь самой провинциальной газеты, которая названа в стихотворении инвалидом и может лишь иногда развеселить своими опечатками:

*Живет перепечатками
Газета-инвалид
И только опечатками
Порой развеселит. [1, I: 199]*

Концепт газета в провинциальном варианте наполняется значениями *вторичности* («живет перепечатками»), *неполноценности* («инвалид») и *скуки*. И дело не только в сонливой жизни провинциального города: даже если и есть интересные темы, газета не свободна в обращении к ним. Ее «инвалидность», жизнь «перепечатками» и скука имеют другую причину:

*Не трогай полицмейстера,
Духовных и крестьян,
Чиновников, брандмейстера,
Торговцев и дворян,*

*Султана, предводителя,
Толстого и Руссо,
Адама-прародителя
И даже Клемансо...*

*Ах, жизнь полна суровости,
Заплачешь над судьбой:
Единственные новости –
Парад и мордобой! [1, I: 148]*

Если судить по перечислению тех, кого запрещено трогать, разумеется, мы имеем дело с художественным преувеличением, для провинциальной газеты открытых для обращения сословий и личностей не осталось, и круг новостей предельно ограничен. Стихотворение выразительно воспроизводит опыт работы самого Саши Черного в житомирской газете «Волынский вестник». Именно там будущий поэт-сатирик познал традиции и нравы, царящие в провинциальной прессе, почувствовал весь драматизм ее существования в условиях запретов, ограничений и отсутствия новостей, когда у журналиста просто нет выбора:

*Фельетонист взъерошенный
Терзает болеро:
Парад – сюжет изношенный,
А мордобой – старо! [1, I: 146]*

Эмиграция в значительной степени меняет содержание концепта средства массовой информации в поэзии Саши Черного. Одним из наиболее показательных примеров тому является стихотворение «Газета» (1928). В нем психологически убедительно передается состояние человека, оказавшегося вне Родины:

Без земли и без границ
Мы живем в юдоли этой
Вроде странствующих птиц
С ежедневною газетой... [1, II: 149]

Ежедневная газета воспринимается как то единственное, что осталось от Родины у тех, кто сегодня живет «без земли и без границ», «в юдоли» эмиграции. По всей вероятности, Саша Черный имел в виду самую популярную газету русского зарубежья – «Последние новости», которая выходила в Париже с 1920 по 1940 год под редакцией П.Н. Милюкова. Газета была едва ли не единственным периодическим изданием эмиграции, которое существовало на самокупаемости, чему, естественно, способствовала ее необычайная популярность. Газета распространялась не только во Франции, но и в Швейцарии, Австрии, Болгарии, Югославии, Турции, Великобритании, Испании, Алжире, Соединенных Штатах Америки...

Читающий русскую ежедневную газету какой-нибудь эмигрант Петр Ильич ведет себя, по мнению поэта, «как «влюбленный гимназист», который, забыв умыться и побриться, ежедневно погружает свои ланиты «в шуршащий лист», потому что

Без газетных русских строк
Петр Ильич, как гусь без речки:
Каждый день к нему под дверь
Проникают без отмычки
Голоса надежд, потерь –
Эхо русской переключки... [1, II: 149]

Чтение русской газеты для того, кто живет вне Родины, «как гусь без речки», наполнено надеждами и потерями, для него – это переключка с такими же, как и он, в прошлом россиянами, а теперь живущими в разных концах света. Читающие ежедневную русскую газету на чужбине, независимо от того, кто они такие: врач, шофер, «адвокат ли из Рязани», «вологодский ли актер», или «настройщик из Казани», словно бы ищут «русский мак в овсе». Они надеются на то, что на газетных полосах каждого ждет услада. Содержание концепта газета, в котором уже есть надежды и потери, есть видение газеты как переключки тех, кто

оказался вне Родины, дополняется таким значением, как услада, пусть в самой малой степени, но все-таки услады эмигрантской души.

Поэт предлагает представить, что будет,
... Если завтра под порогом
Не газету сунут в дверь,
А один лишь лист с налогом. [1, II: 150]

Картина получается удручающая, потому что лишенный своей ежедневной газеты эмигрант, «как вурдалак», будет «грызть жену и сына», и ему не смогут помочь «ни табак», «ни флакон бенедиктина». А потому поэт призывает «читателя-брата», если и придирайтесь к газете, то «не очень», пожалеть и так ежедневно замороченного журналиста, который пишет в этой газете:

<...> Пусть бурлит российский спор,
Пусть порою не без драки,
Но пока есть свой костер, –
Искры светятся во мраке. [1, II: 150]

Газета – это едва ли не единственный «свой костер» во мраке эмигрантской жизни, искры которого дают надежду на лучшее будущее. Возможно, что эти надежды традиционно для русской культуры связаны с тем, что «из искры возгорится пламя». Ведь к 1928 году эта идея уже однажды была материализована в октябре 1917 года.

Другие газеты, издававшиеся в эмиграции, тоже нередко становились предметом поэтических размышлений Саши Черного. Так, в стихотворении 1926 года «Иллюстрированной России», написанном «по случаю двухлетнего юбилея» еженедельника, в связи с его содержанием, поэт заметил:

<...> Даже старцы Петр и Павел
По шаблонам европейским
Завели отдел в газетах
С содержанием злодейским...
«Тайны замков» и «Вампиры»
Помогли решить проблему,
Как связать тираж с идеей... [1, II: 167]

Петр и Павел – это редакторы двух ведущих и соперничавших между собой газет «русского» Парижа – Петр Струве («Возрождение») и Павел Милюков («Последние новости»). Издаваемые в Париже русские газеты вынуждены жить «по шаблонам европейским», вынуждены были заводить отделы «с содержанием злодейским», которых не знала российская пресса. Однако в условиях эмиграции, для того чтобы выжить, издатели постоянно искали решение проблемы, «как связать тираж с

идеей». Одним из решений и стало появление таких отделов.

Однако главный интерес это стихотворение представляет тем, как в нем отразилось концептуальное видение еженедельного иллюстрированного журнала русской эмиграции. Поэт сравнивает «Иллюстрированную Россию» с Ноевым ковчегом, в котором все можно найти:

<...> Словно в Ноевом ковчеге,
Все в журнале вы найдете:
Двухголового верблюда,
Шляпку модную для тети,
Уголовную новеллу
В двести двадцать литров крови
И научную страничку –
«Как выращивают брови»... [1, II: 167]

Сравнение с Ноевым ковчегом переносит мифологический смысл истории о Всемирном потоке на то, что произошло в XX веке в России, и наполняет концепт журнал значением *спасение российской цивилизации*. Поэтому, даже иронизируя над тем, каким содержанием наполняется еженедельник, поэт желает ему только расти в той пустыне эмиграции, в которой сегодня оказалось русское общество и, в первую очередь, творческая интеллигенция:

Но зато еженедельник,
Рядом с модой и верблюдом,
На десерт вас угощает
И другим отборным блюдом:
То бряцаньем звонкой лиры,
То изысканною прозой –
В огороде эмигрантском
Лук растет бок о бок с прозой...
Пусть растет! В пустыне нашей
Дорог каждый нам оазис, –
Да и розу удобряет
Основной тиражный базис. [1, II: 167]

Иллюстрированный журнал наполняется содержанием оазиса, в котором путники, идущие по пустыне, могут найти тень от палящего солнца, воду для утоления жажды (не случайно, видимо, одна из книг Саши Черного, вышедшая в Берлине в 1923 году, называется «Жажда») и отдохнуть. Поэтому, обращаясь к «Иллюстрированной России», поэт призывает:

Размножайся от Парижа
До пролива Лаперуза...
И ввиду паденья франка,
Будь внимательнее к Музам! [1, II: 168]

Если в предыдущей цитате поэт желал журналу «расти», то в финале стихотворения присутствует призыв «размножайся». Оба глагола являются свидетельством того, что поэт видит журнал как *живой организм*, способный и к росту, и к «размножению». Другое дело, что есть в последнем пожелании определенная доля идеализма – между Парижем и проливом Лаперуза, соединяющим Охотское море с Японским, находится Советская Россия. И «размножение», которого желает поэт журналу, по сути, то есть в пространстве покинутой Родины, невозможно и может проходить только через океан.

Творчество Саши Черного периода эмиграции иным представляет и образ журналиста, работающего в периодической печати русского зарубежья. Показательно, что «некрасовский вопрос» в поэме «Кому в эмиграции жить хорошо» (1931) явился – «выплыл из угла» – именно газетчикам, когда

Сошлись за круглым столиком
Черные закройщики,
Три журналиста старые –
Козлов, Попов и Львов... [1, II: 393]

«Чернильные закройщики» задались вопросом, смогут ли они найти в эмиграции «не то чтобы счастливого, / Но бодрого и цепкого / Живого земляка?». Само намерение выяснить, «кому в эмиграции жить хорошо», дает возможность рассказать о том, каким должен быть, как должен работать современный газетчик, не обязательно живущий в эмиграции. Журналист Козлов представляет собственную профессию как способность все «прощупать», повторить некрасовский путь, вникнуть в быт, поднявшись над партийными интересами, симпатиями и антипатиями:

<...> На то мы и газетчики, –
Давайте-ка прощупаем
Все пульсы, так сказать...
Пойдем в часы свободные
По шпалам по некрасовским,
По внепартийной линии,
По рельсам бытовым... [1, II: 394]

Его мысль развивает журналист Попов, согласный с тем, что надо «прощупать», и ставящий на первое место в профессии журналиста способность расспрашивать и «пройтись с карандашом» среди возможных героев своих публикаций:

Ну что ж, давай прощупаем.
С анкетами-расспросами
Мы ходим к знаменитостям
Всех цехов и сортов –
К махровым кинобарышням,
К ученым и растратчикам,
К писателям, издателям,
К боксерам и раджам.
Пожалуй, дело ладное
По кругу эмигрантскому
Пройтись с карандашом... [1, II: 394]

Самую пессимистическую позицию занял журналист Львов:

Искать Жар-Птицу в погребе
Занятие бесплодное, –
Но что же, за компанию
Пойду и я на лов... [1, II: 394]

Слова последнего из участников предпринятого исследования тоже по-своему характеризуют человека, который избрал сферой своей деятельности журналистику. Это человек, который «за компанию» готов участвовать даже в том деле, которое считает бесперспективным, не способным принести реальные плоды. Собственно, так оно в поэме и случилось. Единственным счастливым, кого журналисты

нашли в эмиграции, оказался сын племянницы одного из участников исследования, который к этому времени еще находится в люльке.

Нельзя не заметить того, что концептуальное видение и самих средств массовой информации, и тех, кто их создает, в условиях России и в эмиграции значительно отличаются. В эмиграции взгляд Саши Черного стал более терпимым и даже благожелательным. В эмиграции периодические издания, выпускавшиеся эмигрантами и для эмигрантов, стали восприниматься и как надежда на какое-то будущее за границей, а то и на Родине, и как часть самой этой утерянной Родины. Взгляд поэта на периодическую печать изменился, как и взгляд на Россию вообще:

Прокуроров было слишком много!
Кто грехов Твоих не осуждал?..
А теперь, когда темна дорога,
И гудит-ревет девятый вал,
О Тебе, волнуясь, вспоминаем, –
Это все, что здесь мы сберегли...
И встает бывшее светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли...
[1, II: 93]

Так написал Саша Черный о России уже в 1923 году.

Литература

1. Черный С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Далее произведения Саши Черного цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

References

1. Chernyj S. Sobr. soch.: v 5 t. M.: Jellis Lak, 1996. Dalee proizvedenija Sashi Chernogo citirujutsja po jetomu izdaniju s ukazaniem toma i stranicy v tekste.